

Содержание

Александр Левитов	
Накануне Христова дня	9
Николай Каразин	
Писанка	112
Антон Чехов	
Вор	123
Лист	130
Вербa	134
Письмо	141
Александр Чехов	
Слезы крокодила	160
Николай Гейнце	
Воистину воскрес!	163
Прощеное воскресенье	168
Надежда Лухманова	
Христос воскрес!	179

Василий Авсеенко	
Светлая ночь	186
Леонид Андреев	
Праздник	197
Зинаида Гиппиус	
Святая плоть	217
Алексей Будищев	
Человек, которому 1900 лет	275
Леонид Андреев	
Воскресение всех мертвых	287
Николай Гарин-Михайловский	
Картинка	300
Александр Куприн	
Святая ложь	307
Александр Севастьянов	
Враги	328
Федор Сологуб	
Белая мама	338

Иван Савин

Пасхальный жених354

Иван Шмелев

Перстень364

Марина Цветаева

Пасха 1919 года379

Павел Карташев, священник

Что это было? Пасха, Росси́а385

Александр Левитов
(1835–1877)

Накануне Христова дня

Повесть

На дворе стояло то доброе время, которое зовут весною. Давно уж Алексей, Божий человек всю воду с пригорков в долины согнал, и разлилась она быстрыми ручьями по чернозему необъятных полей, канавы придорожных насыпей вплоть до краев собою наполнила и даже большую дорогу, так и ту всю собой залила. На сельские улицы, без понукальщицы нужды, выйти было нельзя, потому что, в полном смысле, реки стояли на них, и если к соседу за солью нужно было сходить, так лодка надобилась. Мальчишкам мужицким это и на руку: в чаны да в лотки мукосейные гурьбами насажались да и показывают, как в старину атаманище страшный — Стенька Разин — город Астрахань брал. Известное дело: многим из них очень явственно приходилось узнавать, как этот злодей атаманище народ православный в реке Волге топил, потому что флотилия Стеньки была, я думаю, несколько понадежнее корабликов их.

Того буря да пушки потопить могли (да лих-беда не топили!), а лоток, чуть лишь с чаном столкнется, ну и ко дну пошел вместе с разбойниками этими, бесшабашными удалцами восьмилетними! Как хотите, а уж тут рубашонку нужно бы переменить, да на теплой печке погреться бы следовало; ан нет — не туда глядишь! Поди-ка ты к матке чучелой таким, с маковки до пят грязью да навозом облепленным, так она небось не пожалеет белые руки свои драньем мокрых вихров натрудить. Так где уж тут к матке на беду свою великую жаловаться да скорбеть идти? В пору б только до гумна успеть добежать, чтоб она не видала. Самому там можно в старую солому зарыться, а рубашонку на яблонь повыше повесил, так она, стриженная девка косы еще не успеет заплести, уж и высохла.

Так вот видите, как солнце-то припекало: снега, надо быть, поскорей с земли хотело согнать, потому что Бог пору такую послал, когда Он травке всякой на свет Его Господний показываться велит.

А назади дворов, где раскинуты были огороды, видно было, как пары густые такие да столбами такими высокими в небушко поднимались, ровно тысяча изб в одно время топились (так они чистое небо весеннее затуманивали!); а солнце все-таки лучом своим насквозь их прохватывало,

и временем можно было подумать, что столбы те огненные, что не свет солнечный в тумане этом блестят, а что это дым и пламя несутся в небо от жертвы, которую Богу земля сожигала за то, что Он послал ей весну благодатную, цепи с нее зимние снявшую...

Ну и воробьи опять стадами эдакими, штук ста в два и побольше, на избы, на деревья, на риги расселись и чирикают! Рады беззаботные Божии птицы, потому, первое дело: тепло, ветер морозный жидких перьев не дергает, а второе: всякое зернышко на земле издали видно, слети да и клюй, не то что зимой, ищи его там по сугробам великим, зноби ножки тоненькие, да, пожалуй, ничего не нашедши, и до гнезда-то своего, голодный, долететь не успеешь, сразу вверх ногами мороз перекувыркнет.

И все это на селе чего-то ждало словно, потому Страстная Суббота была — день печали великой и пощения святого. Седые головы старых большаков и большачих частенько-таки окошечками выдвижными постукивали, на солнышко всё на ясное поглядывали: когда-то ты, мол, солнышко, закатишься? Потому, от самой Страшной Середы до заката солнца субботнего всякий честной христианин, а паче блюстител и глава семейства, кроме пятаковой просфоры, есть ничего не могли. Ну оно и того!.. Хоть и теплом

пригревает, и лучом солнечным землю подсушивает, а все как-то нет-нет да на небушко и взглянешь, да грешным делом и слабость тебе тут на ум взбредет: хоть бы, мол, сумерки поскорей наступали, звездочки поживей бы показывались, по крайности тогда редечки с кваском хоть бы маленечко похлебал...

На три добрых версты растянулось село, о котором говорю я. И как чудно растянулось — сказать невозможно. Истинно, что ни складу ни ладу. Говорили про него соседи-мужики шутки ради, что дед его будто из лукошка горстями посеял. Только на самом плане один кабак и стоял; с какого конца в село ни въезжай, отовсюду елка виднелась — и уж ты эту самую елку ни на каком кривом коне, все равно как суженого, ни за что не объедешь. А про избы мужицкие уж и говорить нечего, потому одна из них на самую дорогу, почитай, выпятилась, всякому проезжему сказать ровно хочет: вишь, хозяин-то мой прошлым годом меня новой соломкой прикрыл да крепкими плахами заново разваленный угол подпер; а другая-то с красной улицы от стыда, надо думать, на огород убежала, потому развалилась совсем, одни только навозные завальни ее и поддерживают. Посмотришь на нее так-то попристальнее, видишь, как это она крышей своей растрепанной, головой словно горемычную,

машет: нет, говорит, уж куда нам на дорогу-то выходить на людскую?.. Нам бы вот ближе о плетень да об вереву опереться да без поправки еще годик-другой простоять. Дальше глядишь — и болото тут расстилается, такая трясина непросушенная, что уж на что чушки, а и те в нем в самое жаркое летнее время до смерти закупаются; а за болотом густые ветлы стоят, высокие озерные травы растут (видимо-невидимо в тех травах и деревьях живет разных птиц); а за ветлами садик какой-то аршинный раскинулся; вся его загородь цветами разными как будто бы заткана, так что чуть-чуть лишь виднеется из-за этих цветов гладко причесанная, словно золотая, соломенная крыша какого-то домика-клетки. Выстроила себе эту клетку красная девица — святая черница, обо всех нас грешных богомолица, нарочно в таком тихом месте, чтобы спокойней было молодое сердце ее, людского соблазна не видючи, суетой их грешной не прельщаючись...

Никто не мешает, строй, где хочешь и как знаешь! Прост на этот счет у нас волостной голова. «По мне, хоть камыш выжни на острове, да там и селись», — говаривал старик. Птица уж на что глупа, а тоже на старое гнездо прилетает, — значит, она его облюбовала. Поэтому слободской поп всю дорогу палисадником своим и загородил — новую уж дорогу-то через Аринин огород

проложили. Огурчики там у него на грядках растут, розаны разноцветные на длинных стеблях своих журавлями длинноногими раскачиваются, толстые тыквы плетями своими весь плетень заплели, да хорошенькая дочь по тому ли по зеленому садику частенько похаживает, свою девичью кручинушку разгуливает. Красиво у попа в палисаднике было — словно в раю каком!

Поповым палисадником оканчивалось село. За ним уже начинался посад¹, который во времена оны назывался острожком, несколько позже фортецией, а в настоящее время одни только мужики, без всякого, по-видимому, основания, продолжают с упорством обзывать его городом, а изредка даже и крепостью. По сбивчивым и до крайности темным сказаниям, ходящим в народе, в крепости этой стрельцы да казаки пограничные от татар и от своих разных воров отсиживались, в Елец да в Рязань их, разбойников, не пускали. И после уж, когда этот острожек фортецией назван был, когда могучая рука, всему миру известная², из липецких дебрей стуком топоров, рубивших лес для воронежского флота, воров и зверей распугала, около этой фортеции

.....
¹ *Посад* — поселок, часть города, расположенная вне городской стены; предместье.

² *Могучая рука, всему миру известная* — речь о Петре I.

мужичишки и всякие посадские люди весьма селиться стали, потому что сторона была очень привольная: горсть посеешь — воза собирай, рыбы и живности всякой — ешь не хочу. И лес тут же под руками стоит — такой соснячище, что и теперь еще посмотришь, так шапка со лба валится. На пятьсот верст, сказывают, вдаль пошел — много в нем солдатиков беглых и разных бесшабашных голов скитаются. Так-то вот и составилса посад, который теперь видим мы и про который так и в книгах записано и на белой дощечке (при въезде на мосту какая стоит) нарисовано: «Посад Чернополье, Черноземского уезда, содержится иждивением слободских христьян». Подлинно не могу вам сказать, кто содержится крестьянским иждивением — мост ли один или весь посад? Должно быть, и тот и другой, потому что ежели бы не было, так сказать, приделано к посаду села, о котором я сейчас говорил, то мещанам и купцам посадским совсем некого было бы надувать, и, следственно, как мост должен был непременно развалиться, так и самые торговцы с голоду неизменно бы померли.

Имеется надежда когда-нибудь рассказать вам не только про то, каков посад этот в настоящее время, а даже и про то, каким он в старину был. Все про него со временем расскажу я: как он вырос на безлюдной степи, как валом высоким

обкапывался, грудью облюбованную землю как широкою отстаивал. Потом как по тихому Воронежю подплывал к нему на войлоках колдун и разбойник Наян, как он его полоном великим полонял, жен и детей убивал, а молодых к шайке своей безбожной привораживал, как после этого полна царь великий на фортецию с милостями своими царскими наехал и заново всю ее отстраивал — про все расскажу. А ежели ж по своей великой лени я старые посадские времена как-нибудь проминую, зато уж новую нынешнюю его жизнь опишу непременно, потому что все эти недочетки и перехватки мещанской жизни хорошо мне известны.

От недочетков-то этих, а пуще от перехватков, по диким степям могучие силы изнашиваются, широкие груди, с которыми под раскрытыми мещанскими избами люди рождаются, скоро иссушиваются. Под одной из таких-то растрепанных крыш (стащили мы с ней гнилую солому в голодную зиму на корм коровам), вместе с белобокими касатками и серыми воробьями, вырос и я. В такой-то избе, помню я, убивалась и плакала мать моя о том, что ни мужу, ни ей работы нет, детям хлеба нет, а недоимки и сборы разные есть. Из этой избы несли ее, бедную, тяжелым всегдашним страхом за судьбу детей истерзанную, на тихий погост наш, весь заросший

высокой травой, весь закрытый густыми ветлами да ивами раскидистыми...

Бог с тобой, душа богомольная, праведная душа! Не знаю, как и отчего ты не умолила Бога, чтобы не видать мне еще, к моему великому горю, как из этой же самой избы, по отцову приказу, пошла за немилого замуж дочь твоя любимая, дитя твое скорбное, забота твоя болезненная?..

Много их — этих неизбежных принадлежностей мещанской жизни, тут их всех не упишешь... Да и писать-то про них не место здесь, потому что про Липатку, чернопольского дворника³, говорить теперь нужно.

Жил-был, извольте видеть, в Коломне мужичок некий, по части вырезывания кур из садков проезжих курятников безустанно он занимался; только однажды извозчики подкараулили его на работе да на своем самовластном суде так его урезонили, что он от резонов тех чуть-чуть не пошел в мать сыру землю. Полтора дня на одном месте, без всякого чувства, как собака лежал, и, как теперь сам он полагает, знакомый человек ежели бы его с места этого проклятого не перетащил на другое, оченно в это время околеть бы мог. И думает Липатка после встрепки-то: больно уж под Москвой ноне народ прозорлив стал,

.....
³ *Дворник* — здесь: владелец постоянного двора.